

Региональная экономика
Regional economy

УДК 316.334.52:35.071

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-130-147

Ценностные ориентиры населения депрессивных территорий в контексте
управления регионами

Нешатаев Александр Васильевич¹

Аспирант, ассистент, SPIN-код РИНЦ: [4616-6691](#), ORCID: [0000-0002-0145-7841](#), a.v.neshataev@urfu.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ.

Багирова Анна Петровна

Доктор экономических наук, кандидат социологических наук, SPIN-код РИНЦ: [4288-4508](#), ORCID: [0000-0001-5653-4093](#),
a.p.bagirova@urfu.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ.

Аннотация

На территории России существует целый ряд депрессивных территорий, отстающих по социально-экономическим показателям от других территорий. Использование категории «депрессивная территория» преимущественно в экономических работах свидетельствует о дефиците социологических разработок управленческого аспекта, который бы учитывал социокультурные особенности населения, проживающего на таких территориях. В качестве теоретической рамки в работе используется теория общественных ценностей, согласно которой установки граждан взаимосвязаны с деятельностью органов власти. Цель исследования — выявить отличительные социокультурные характеристики населения депрессивных территорий, способные влиять на процессы управления ими. Для этого проведен анкетный опрос 600 жителей депрессивных и недепрессивных муниципальных образований со схожими характеристикам; применен квотный тип выборки с соблюдением половозрастного распределения населения. По результатам исследования выявлено, что население депрессивных территорий более привержено ценностям выживания и традиционализма. Жители этих регионов менее самостоятельны, более доверчивы в сравнении с жителями недепрессивных территорий; они испытывают потребность в принадлежности к группе, обладают закрытым социальным капиталом. Установки жителей депрессивных муниципалитетов (отсутствие долгосрочного планирования, умеренность жизни, отказ от амбиций, нахождение в зоне психологического комфорта, пассивное ожидание скорейшего улучшения качества своей жизни) в меньшей степени способствуют преодолению неблагополучия. На депрессивных территориях выше уровень поддержки населением проводимой государственной политики, фиксируется необходимость сохранения стабильности в обществе и соблюдения единоначалия в принятии решений. Результаты работы вносят вклад в теорию общественных ценностей, поскольку выявляют различия в ценностях среди муниципальных образований со схожими характеристиками и определяют потенциальное влияние ценностей населения депрессивных территорий на социально-экономическое развитие региона. Практическая значимость работы заключается в разработке предложений по использованию ценностных ориентиров населения в управлении депрессивными территориями. Перспективы дальнейших исследований мы видим в применении использованной методики в других экономических районах России.

Ключевые слова

Депрессивные территории, управление, теория общественных ценностей, социокультурные факторы, региональная социология, муниципальные образования.

Для цитирования

Нешатаев А.В., Багирова А.П. Ценностные ориентиры населения депрессивных территорий в контексте управления регионами // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 110. С. 130–147. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-130-147

Values of the Population in Depressed Territories in the Context of Regional
Administration

Aleksandr V. Neshataev²

Postgraduate student, Assistant, ORCID: [0000-0002-0145-7841](#), a.v.neshataev@urfu.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

Anna P. Bagirova

DSc (Economy), PhD (Sociology), ORCID: [0000-0001-5653-4093](#), a.p.bagirova@urfu.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

Abstract

In Russia, there are a number of depressed areas that lag behind other regions in socio-economic indicators. The use of the term “depressed territories” primarily in economic studies highlights a lack of sociological research on the management aspect that takes into account the socio-cultural characteristics of the population. This study employs the theory of public values as a theoretical

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

framework, positing that citizens' attitudes are interconnected with the activities of government authorities. The aim of the research is to identify the distinctive socio-cultural characteristics of the populations in depressed territories that may influence management processes. To achieve this, a survey was conducted among 600 residents of both depressed and non-depressed municipalities with similar characteristics; a quota sampling method was applied, ensuring gender and age distribution within the population. The findings reveal that residents of depressed areas are more committed to values of survival and traditionalism. They exhibit less independence and greater trust compared to those living in non-depressed territories, demonstrating a need for group belonging and possessing closed social capital. The attitudes of residents in depressed municipalities — characterized by a lack of long-term planning, moderation in life, renunciation of ambition, a preference for psychological comfort, and passive waiting for improvements in their quality of life — are less conducive to overcoming adversity. In these areas, there is higher support for government policies among the population, alongside a recognized need for societal stability and adherence to centralized decision-making. The results contribute to the theory of public values by revealing differences in values among municipalities with similar characteristics and determining the potential influence of these values on the socio-economic development of the region. The practical significance of this work lies in developing proposals for utilizing the population's value orientations in managing depressed territories. Future research prospects include applying the methodology used in this study to other economic regions in Russia.

Keywords

Depressed territories, public administration, theory of public values, socio-cultural factors, regional sociology, municipalities.

For citation

Neshataev A.V., Bagirova A.P. (2025) Values of the Population in Depressed Territories in the Context of Regional Administration. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 110. P. 130–147. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-130-147

Дата поступления/Received: 22.11.2024

Введение

В условиях санкционного давления и других вызовов социально-экономическому развитию в Российской Федерации актуализируется потребность в более активной реализации внутреннего экономического потенциала регионов. Решению этой задачи в определенной мере препятствует наличие значительной региональной дифференциации, которая приводит к усилению концентрации экономических, технологических и человеческих ресурсов в нескольких центрах притяжения и в то же время к возникновению депрессивных территорий, отличающихся устойчивым социально-экономическим отставанием от других регионов.

Рассматривая основания для реализации региональной политики, необходимо отметить, что в отечественных научных работах и практике публичного управления преобладает экономикоцентричность стратегий управления и развития депрессивных территорий. Например, предлагаются механизмы по предоставлению определенных преференций и льгот, финансированию реконструкции производственных мощностей и санации экономики [Донской 2023]. Существуют также предложения по внедрению федеральной программы поддержки, которая, четко определив территории, не обладающие необходимыми возможностями для выхода из депрессивного состояния, направляла бы бюджетные и внебюджетные средства всех уровней на помощь им [Тищенко 2020]. В список мероприятий по преодолению депрессивности включаются реструктуризация, диверсификация и повышение инновационной активности в регионах посредством создания и развития перспективных предприятий [Савельева и др. 2020]. В качестве альтернативного санации варианта рассматривается исчезновение сельских периферий и старых монопрофильных городов с последующей сменой их функций [Нижегородцев, Борулава 2014]. В то же время важнейшим механизмом смягчения неравенства регионов является социальная политика, обеспечивающая выравнивание доходов населения с помощью социальных трансфертов [Зубаревич 2021].

В предшествующих работах авторов, посвященных исследованию населения депрессивных территорий, изучались истоки и предпосылки развития существующих научных идей о феномене таких территорий в социологических и экономических подходах [Нешатаев 2023]; был выявлен более высокий уровень рождаемости и благоприятное отношение жителей депрессивных муниципалитетов к рождению детей [Нешатаев, Багирова 2021]; было определено отсутствие, по мнению местного

населения, перспектив экономического развития депрессивных территорий и была дана негативная оценка произошедших изменений в социальной сфере за последние 10–15 лет [Нешатаев 2022].

По нашему мнению, использование категории «депрессивная территория» преимущественно в экономических работах свидетельствует о дефиците социологических разработок управленческого аспекта, который бы учитывал социокультурные особенности местного населения, а именно роль человека и общества как субъекта, определяющего состояние окружающей среды.

Научная новизна исследования заключается в изучении ценностных ориентиров населения депрессивных муниципальных образований с помощью сравнения характеристик респондентов, проживающих в местности с разным социально-экономическим состоянием, а также в выявлении социокультурных особенностей местных жителей, способных влиять на управленческие процессы на депрессивных территориях.

Теоретико-методологическая основа исследования

Одним из первых ученых, заметивших, что благополучие территории может определяться различиями в ценностях проживающих там жителей, был Г. Кларк [Clark 1988]. С опорой на его подход в работе в качестве методологического основания используется рассмотрение ценностей населения депрессивных территорий как катализатора, потенциально влияющего на социально-экономическое положение региона. По мнению Т.Ж. Тощенко, ценности являются важным фактором, задающим границы социальной деятельности общества [Тощенко 2016]. Более того, существующие ценности могут тормозить или стимулировать экономическое развитие через социальные структуры, которые детерминируют действия индивидов [Аузан 2022]. С позиций институционального подхода возможности развития общества предопределены укорененностью правил, возникающих вследствие существующих неформальных ограничителей в виде норм и ценностей населения [North 1990]. Таким образом, ценности в научных исследованиях нередко рассматриваются в качестве базиса, дающего соответствующие экономические результаты.

Центральную роль в работе занимает модель культурных измерений Р. Инглхарта, в рамках которой ценности изучаются как две дихотомии: традиционализм противопоставляется рациональности, а выживание — самовыражению. По его мнению, традиционализм включает в себя такие ценности, как важность религии, уважение к семейным отношениям, склонность к авторитаризму, сплоченность, национальная идентичность, а общества, где акцент делается на ценностях выживания, отличаются относительно низким уровнем благосостояния, худшим здоровьем населения, а также нетерпимостью к чужеродным группам. В целом Р. Инглхарт утверждает, что люди отдадут предпочтение тем ценностям, которые в наибольшей степени соответствуют условиям их жизни [Инглхарт, Вельцель 2011].

Теоретическая рамка изучения данного аспекта в государственном управлении задается теорией общественных ценностей, согласно которой социальные установки граждан предопределяют направления деятельности органов власти [Bozeman 2019]. Государственное управление, основанное на общественных ценностях, способствует повышению заинтересованности общественности, ее участию в решении социальных проблем, обеспечивает поддержку со стороны населения и повышает оценку эффективности деятельности [Naidoo, Holtzhausen 2020]. Согласно этой теории, органам публичной власти следует постоянно реагировать на изменения ожиданий установок местного населения [Bojang 2022], что актуализирует исследовательскую работу, направленную на изучение общественных ценностей. Она становится необходимой как для понимания происходящих процессов, так и для выработки наиболее эффективных управленческих решений [Ventriss et al. 2019].

Цель исследования, используя теорию общественных ценностей применительно к государственному управлению депрессивными территориями, — выявить отличительные социокультурные характеристики населения таких территорий, способных влиять на процессы управления ими.

Генезис научных представлений о депрессивных территориях в социологических подходах

Население депрессивных территорий может обладать отличительными чертами, на которые следует обращать внимание при принятии управленческих решений. Подтверждение этому мы находим в классических социологических работах. Например, на основании работ М. Вебера мотивы населения депрессивных территорий вполне соотносятся с традиционным образом жизни, который он противопоставлял капиталистическому духу. Он считал, что в основе традиционализма лежат ценности, которые не способствуют росту производительности труда, стремлению к заработку денег, внедрению инноваций, получению власти, накоплению капитала, обретению профессионального долга и призвания [Вебер 2006]. Общинные связи Ф. Тённиса можно также соотнести с депрессивными территориями, так как в них преобладает негородской образ жизни, традиционализм, коллективизм, стремление к балансу между удовольствием и работой, минимизация денежных отношений [Тённис 2002]. Иными словами, неблагополучие населения может быть вызвано его установками, которые не ориентированы на получение материальных выгод. С другой стороны, депрессивные территории могут представлять собой некоторое промежуточное звено между механической солидарностью, сохранившей в себе ценности традиционного общества, при переходе к развитому обществу органической солидарности. В этом состоянии население депрессивных территорий оказывается в пространстве без четких социальных норм, вследствие чего теряются ориентиры поведения, наблюдается противоречивость действий [Дюркгейм 1996]. Исходя из теории бедности способностей А. Сена, можно предположить, что существование депрессивных территорий может быть связано не только с низким уровнем экономического положения населения, но и низким уровнем способностей и доступа к минимально необходимым возможностям [Sen 1982].

Экстраполируя идеи П.-Ж. Прудона на население депрессивных территорий, можно говорить о том, что основная причина неблагоприятного положения может быть обозначена как объемы потребления со стороны населения, несоразмерные ограниченному производству [Прудон 1998]. В рамках марксистского подхода возникновение депрессивных территорий объясняется концентрацией ресурсов (финансовых, производственных, технологических) в определенной местности, при которой формируется территориальное неравенство, вынуждающее население депрессивных территорий заниматься тяжелым низкооплачиваемым трудом [Маркс 1961]. Мир-системный анализ, развивающий идеи марксизма, также, на наш взгляд, может быть использован для анализа и в более узком региональном масштабе, поскольку различные регионы и территории не равны по своим возможностям. Аналогично странам более развитые регионы могут препятствовать развитию отстающих территорий, так как это приводит к ослаблению позиций регионов-ядер и регионов-полупериферий [Валлерстайн 2006].

Обобщение перечисленных социологических подходов приводит нас к пониманию того, что население депрессивной территории — это некоторая общность людей, для которых характерно преобладание традиционного образа жизни, противоречивость и неустойчивость преобладающих социальных норм, отсутствие способностей для преодоления неблагополучия; общность, которая проживает в местности, отстающей по социально-экономическим показателям вследствие неравного распределения ресурсов, неконкурентоспособности территории, чрезмерного потребления ее жителей.

Этапы и методы исследования

На основании теоретического анализа была разработана система эмпирических индикаторов для проведения социологического опроса о феномене депрессивных территорий, включающая оценки степени приверженности коллективистским ценностям жителей, их отношения к нарушению норм и законодательства, способностей населения к преодолению неблагополучия, удовлетворенности деятельностью органов публичной власти, политических взглядов и убеждений населения.

Для проведения дополнительного профилирования муниципалитетов применялись индикаторы, используемые во «Всемирном обзоре ценностей» Инглхарта (World Values Survey, WVS). Приверженность ценностям традиционализма выражается следующими характеристиками: Бог очень важен в жизни респондента; для ребенка важнее научиться послушанию и религиозной вере, чем независимости и решительности; аборт никогда не может быть оправдан; респондент испытывает сильное чувство национальной гордости; респондент выступает за большее уважение к властям. Ценности выживания: респондент отдает приоритет экономической и физической безопасности перед самовыражением и качеством жизни; респондент считает себя не очень счастливым; не подписывал и не будет подписывать петицию; осторожничают, доверяя людям; гомосексуальность никогда не может быть оправдана. Принято решение заменить индикатор, оценивающий отношение к гомосексуализму, в связи с тем, что ЛГБТ-движение признано экстремистским в России, соответственно, нам не удалось бы получить реальное мнение жителей. Вместо него использовался вопрос, посвященный согласию респондента с репродуктивным предназначением женщины. Выбор данного вопроса связан с тем, что в рамках исследования Р. Инглхарта полученные ответы на него имеют сильную корреляционную связь с ценностями выживания [Инглхарт, Вельцель 2011].

Согласно методике, объединение в группы вышеперечисленных переменных осуществлялось не вручную, а посредством факторного анализа, который используется для сокращения количества переменных за счет объединения коррелирующих между собой переменных в факторы (группы переменных). В рамках нашего исследования возможность применения процедуры факторного анализа подтверждена двумя статистическими тестами. Во-первых, критерий сферичности Бартлетта, проверяющий наличие корреляций между используемыми переменными, равен 370,961 при 21 степени свободы и уровне значимости 0,000. Во-вторых, демонстрирующий, насколько полно факторы описывают исследуемые переменные, критерий адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкена равен 0,626. Таким образом, в своем исследовании нам удалось выделить факторы, соответствующие оригинальной методике Инглхарта: традиционные / секулярно-рациональные ценности и ценности выживания / самовыражения.

Исследование проводилось на примере депрессивных территорий Уральского экономического района, который включает в себя Республику Башкортостан, Курганскую, Оренбургскую Свердловскую и Челябинскую области, Пермский край и Удмуртскую Республику³. Выбор Уральского экономического района был обусловлен рядом факторов. Во-первых, в отличие от федеральных округов, сформированных исходя из политических предпосылок, экономические районы характеризуются сложившейся схожей производственной специализацией регионов, образуя единое экономическое пространство, позволяющее сравнить расположенные в нем муниципальные образования. Во-вторых, данный регион значительно отдален от столицы страны, в которой сосредоточены значительные экономические и административные ресурсы. В-третьих, ему принадлежит первое место среди других российских экономических регионов

³ Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/ (дата обращения: 23.02.2025).

по объему промышленного производства. В-четвертых, Уральский экономический район обладает разнообразными полезными ископаемыми (нефть, газ, железная руда, медная руда, калийные соли, уголь, лес и т. д.). В-пятых, он имеет выгодное экономико-географическое положение, соединяя европейскую и азиатскую части России.

На территории этого региона расположено 310 муниципальных образований второго уровня (городские округа, муниципальные округа и муниципальные районы), не считая закрытых административно-территориальных образований, которые были исключены из анализа вследствие отсутствия по ним ряда открытых статистических данных.

В связи с дискуссионностью термина «депрессивная территория» исследователями используются разные показатели и критерии для их идентификации. В наиболее классическом представлении депрессивность как экономическое явление связывают с экономическими волнами, когда экономическое развитие представляет собой сменяющиеся циклы, одной из фаз которых является депрессия. В данном подходе возникновение депрессивных территорий — результат циклического характера их экономического развития [Исянбаев 2017]. Другой подход гласит, что для депрессивных территорий характерна перманентная стагнация или длительное ухудшение уровня благосостояния местности [Веприкова, Кисленок 2020]. Под депрессивными территориями также понимаются отстающие на данный момент от региона по основным социально-экономическим показателям [Барабанов и др. 2019]. Однако, как правило, методики определения депрессивных территорий во всех перечисленных подходах используют в качестве основного индикатора депрессивности спад объемов произведенных товаров и услуг (см., например, [Тагирова 2020]). Поэтому мы будем уделять данному показателю первоочередное внимание. Для идентификации депрессивных территорий нами используются и другие показатели — миграционная убыль населения [Чернышев 2017], среднемесячный размер заработной платы [Мосина, Чухманова 2020], объем инвестиций [Хайдаров, Рахматулин 2024], собственные доходы местного бюджета [Ибраева и др. 2021]. Значения всех переменных, включенных в анализ в качестве индикаторов депрессивности территории, для целей анализа были стандартизированы в шкалу от 0 до 1.

Для идентификации депрессивных муниципальных образований перед нами стояла задача определить порог депрессивности — уровень, значения ниже которого характеризуют территорию в качестве депрессивной. В качестве порога депрессивности используются значения, отображающие снижение объемов производства за последние 5 лет. В стандартизированном виде минимальное падение объемов произведенных товаров и услуг (на 0,1%) составляет 0,174 — оно и было распространено на другие индикаторы как порог депрессивности. Статус депрессивной территории по каждому показателю определялся стандартизированным значением ниже 0,174, а к депрессивным муниципалитетам мы сочли возможным отнести те, которые более чем в половине показателей (3 и более) имели значения ниже порога депрессивности.

Чтобы определить различия в ценностях и ориентациях населения депрессивных территорий и территорий с другим социально-экономическим состоянием, были предложены показатели, которые могут влиять на поведение различных социальных групп:

- 1) численность населения. Этот параметр предопределяет тесноту связей между жителями, анонимность, равнодушие [Прокопьева 2018];
- 2) доля сельского населения в общей численности населения. Согласно исследованиям, для сельского населения более характерен традиционный уклад жизни [Молчанова 2020];
- 3) число субъектов малого и среднего предпринимательства. Включение этого показателя обусловлено тем, что предприниматели обладают специфичным набором ценностей,

которые развивают необходимые им готовность к риску и умение преодолевать сложности; следовательно, число субъектов малого и среднего предпринимательства демонстрирует активность населения и его нацеленность на перемены [Помазкова 2022];

- 4) доля населения с высшим образованием в общей численности населения. Этот показатель предопределяет качество человеческих ресурсов: набор ценностных установок, уровень компетенций в разных областях науки, специфику личностного мировоззрения [Коркмазов, Черкесов 2019];
- 5) отдаленность муниципального образования от центра субъекта РФ. Этот показатель связан с проникновением в общество социальных норм и с уровнем их усвоения, он также формирует идентичность жителей, противопоставляющих место своего проживания центрам [Тулаева, Немировская 2024];
- 6) индекс качества социальной инфраструктуры. Его высокое значение способствует всестороннему развитию местного населения и привлечению человеческих ресурсов, соответствующих возможностям инфраструктуры [Проворова и др. 2022]. В нашем исследовании индекс замерялся через сумму стандартизированных значений нескольких показателей сферы образования, здравоохранения, досуга и спорта (количество мест в организациях среднего профессионального образования, число общеобразовательных организаций, больничных организаций, больничных коек, организаций культурно-досугового типа, спортивных сооружений).

На основании этих показателей были выявлены 6 пар депрессивных и недепрессивных муниципалитетов, которые потенциально влияют на поведение населения. Каждая пара включала один депрессивный и один недепрессивный муниципалитет со сходными значениями перечисленных показателей. Полученные пары представлены в Таблице 1 (жирным шрифтом выделены сходные значения одного из параметров, а в скобках указана позиция муниципального образования по данному показателю среди 310 городских округов, муниципальных округов и муниципальных районов Уральского экономического района).

Таблица 1. Отобранные для анализа муниципальные образования депрессивного и недепрессивного типа, имеющие схожие характеристики⁴

Муниципальное образование (субъект РФ)	Количество признаков депрессивности	Численность населения	Доля сельского населения, %	Число субъектов малого и среднего предпринимательства на 10 тыс. чел.	Доля населения с высшим образованием, %	Отдаленность от центра субъекта РФ, км	Индекс качества социальной инфраструктуры
Идентичные территории с преобладающим сельским населением							
Муниципальный округ Сюзунский район (Удмуртская республика)	3	10209	100	175,9	10,4	137	0,833
Ординский муниципальный округ (Пермский край)	1	14149	100	173,0	10,1	114	0,753

⁴ Составлено авторами на основе: База данных показателей муниципальных образований // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 14.02.2025).

Идентичные территории с преобладающим городским населением							
Кувандыкский городской округ (Оренбургская область)	3	40777	35,2	189,4	12,1	195	0,771
Янаульский муниципальный район (Республика Башкортостан)	1	42880	40,2	182,0	12,5	208	0,907
Территории с низким уровнем предпринимательской активности							
Мишкинский муниципальный район (Республика Башкортостан)	5	21188	100	108,0 (301-е место)	9,3	127	0,896
Камышловский муниципальный район (Свердловская область)	2	20495	100	76,7 (309-е место)	11,1	145	0,704
Территории с низкой долей населения с высшим образованием							
Щучанский муниципальный район (Курганская область)	3	16168	50,4	145,1	8,9 (272-е место)	180	0,934
Пышминский городской округ (Свердловская область)	1	18624	51,2	163,1	7,5 (304-е место)	182	0,819
Территории, отдаленные от центра субъекта РФ							
Первомайский муниципальный район (Оренбургская область)	4	21087	100	191,9	11,9	289 (268-е место)	0,849
Нагайбакский муниципальный район (Челябинская область)	0	17105	91,3	197,3	11,3	257 (253-е место)	1,002
Территории со слаборазвитой инфраструктурой формирования качества человеческого потенциала							
Кусинский муниципальный район (Челябинская область)	4	25198	17,6	178,3	9,6	178	0,560 (285-е место)
город Медногорск (Оренбургская область)	1	24531	4,8	167,9	11,7	215	0,641 (272-е место)

В ходе социологического исследования нами был проведен анкетный опрос 600 человек в возрасте 18–70 лет, проживающих в муниципальных образованиях, представленных в Таблице 1. На каждой территории опрошено 50 респондентов, половозрастное распределение которых соответствует распределению населения в генеральной совокупности. Анкета распространялась преимущественно в территориальных пабликах социальной сети «ВКонтакте» и местных средствах массовой информации, добор недостающих респондентов осуществлялся при поддержке администраций муниципальных образований.

Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью IBM SPSS Statistics 23.0. Для анализа были использованы критерий Манна — Уитни и коэффициент Крамера, указывающие при асимптотической значимости меньше 0,05 на наличие статистически значимых различий в ответах респондентов из разных подвыборок (депрессивных и недепрессивных территорий); коэффициент ранговой корреляции Спирмена, позволяющий определить направленность и силу связи между показателями, замеренными в количественных шкалах.

Результаты исследования

С помощью использования методики Инглхarta были рассчитаны значения факторов «традиционные / секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания / самовыражения».

Получен однозначный результат, свидетельствующий о том, что население депрессивных территорий более привержено ценностям выживания и ценностям традиционализма, нежели жители территорий недепрессивного типа (Таблица 2). Эти различия подтверждены статистическим критерием Манна — Уитни (со значимостью 0,001 и 0,000 соответственно).

Таблица 2. Значения факторов культурных ценностей Инглхарта, рассчитанные по ответам населения депрессивных и недепрессивных территорий⁵

Фактор	Показатель	Депрессивные территории	Недепрессивные территории
Традиционные / секулярно-рациональные ценности	Медиана	-0,326	0,262
	Среднее	-0,168	0,097
Ценности выживания / самовыражения	Медиана	-0,034	0,331
	Среднее	-0,097	0,230

На Рисунке 1 показано, что во всех без исключения парах муниципальных образований Уральского экономического района выявлена более сильная традиционность ценностей у жителей депрессивных территорий в сравнении с преобладающими секулярно-рациональными ценностями среди жителей недепрессивных территорий. Во всех шести парах положение депрессивных и недепрессивных муниципалитетов на шкале «традиционализм — рационализм» однотипно: на депрессивной территории уровень по этой шкале всегда ниже, чем на недепрессивной.

Для шкалы «выживание — самовыражение» можно говорить о следующей выявленной тенденции: жителям депрессивных территорий более характерны ценности выживания, а жителям недепрессивных территорий — ценности самовыражения. Из шести пар муниципалитетов исключения обнаружены лишь в двух: Первомайский (депрессивный) и Нагайбакский (недепрессивный) муниципальные районы оказались близки друг к другу по уровню ценности самовыражения; жителям Кусинского муниципального района (депрессивного), как и жителям городского округа Медногорск (недепрессивного), более свойственна ценность выживания.

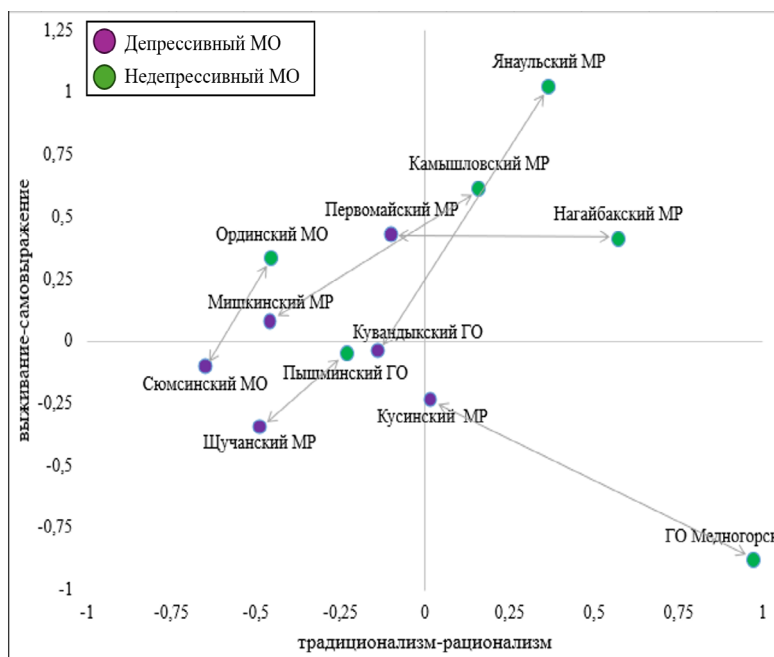

Рисунок 1. Медианные значения факторов, рассчитанные по данным опроса населения депрессивных и недепрессивных муниципальных образований Уральского экономического района, на карте культурных ценностей Инглхарта⁶

⁵ Таблицы 2–6 составлены авторами на основе проведенного опроса

⁶ Составлено авторами.

Характеризуя процессы социального взаимодействия внутри депрессивных территорий, на основании данных опроса можно говорить о том, что их жители менее самостоятельны, чем респонденты, проживающие в более благополучной среде. При возникновении трудностей 73% респондентов — жителей депрессивных территорий предпочитают не обращаться за помощью и стараются разобраться самостоятельно, тогда как из противоположной группы — 78%. Полагаем, что проблемность среды проживания формирует определенное чувство беспомощности ее жителей, заставляя ориентироваться на помощь. Населению депрессивных муниципалитетов важнее ощущать себя частью какой-то группы, чем опрошенным из недепрессивных муниципалитетов. В этих условиях на депрессивных территориях формируется более высокий уровень доверия к людям, которое необходимо для сплоченности сообщества: практически каждый четвертый опрошенный считает, что большинству можно доверять. Однако, несмотря на более высокую степень доверия, для опрошенных жителей муниципальных образований депрессивного типа более характерен бондинговый (закрытый) социальный капитал, который в нашем исследовании замерялся через степень согласия с высказыванием «Забор должен быть высоким и сплошным». Это подтверждается и тем, что у жителей депрессивных территорий наблюдается ярко выраженный приоритет сильных связей над слабыми (хотя справедливости ради стоит отметить, что в недепрессивных муниципалитетах с небольшой численностью населения у трех четвертей респондентов выявлены идентичные ориентиры). Лишь 22% жителей депрессивных территорий готовы помочь малознакомым людям вне своего круга общения, на территориях недепрессивного типа таких людей значительно больше — 36%. В депрессивных муниципальных образованиях не только реже помогают людям вне своего окружения, но и при возникновении проблемы, решение которой самостоятельно невозможно, стараются обращаться за помощью не к специалистам, а к знакомым из своего окружения (Таблица 3).

Таблица 3. Распределение ответов жителей депрессивных и недепрессивных территорий по вопросам социального взаимодействия внутри сообществ

Показатель	Депрессивные территории	Недепрессивные территории	Асимп. значимость теста Крамера	Асимп. значимость теста Манна — Уитни
Доля респондентов, ориентированных на самостоятельность при возникновении проблем	73%	78%	0,043	X
Среднее значение индекса привязанности к группе (насколько Вам важно ощущать себя частью какой-то группы, коллектива по шкале от 1 до 5)	3,53	3,17	X	0,010
Доля респондентов, доверяющих людям	24%	13%	0,000	X
Среднее значение индекса бондингового социального капитала (степень согласия с высказыванием «забор должен быть высоким и сплошным» по шкале от 1 до 5)	2,69	2,44	X	0,018
Доля респондентов, отдающих приоритет сильным связям над слабыми	87%	75%	0,000	X
Доля респондентов, готовых безвозмездно помогать лицам не из ближнего окружения	22%	36%	0,000	X
Доля респондентов, для которых помощь знакомых важнее помощи специалистов	61%	48%	0,002	X

При оценке способностей и мировоззрения, которые могли бы использоваться жителями депрессивных территорий для преодоления своего неблагополучия, мы выявили наличие стремления этой группы респондентов к достижению быстрого успеха: в среднем данный ориентир оценивается в 4,5 балла из 5 возможных. Иными словами, преобладает желание как можно скорее выбраться из неблагополучия. Мы зафиксировали также отсутствие долгосрочного планирования, выраженного желанием жить сегодняшним днем. Это может объясняться тем, что опрошенные с депрессивных территорий ощущают отсутствие дальнейших жизненных перспектив. При таком мировоззрении амбиции теряют значение, а население отдает предпочтение спокойному образу жизни. Однако интересен тот факт, что существует слабая, но значимая корреляционная связь между желаниями как можно быстрее достигать успеха и вести размеренный образ жизни (коэффициент корреляции Спирмена 0,3 при значимости 0,000). То есть присутствует установка на получение выгод в максимально быстрые сроки с целью сокращения объема трудовых затрат в перспективе. Кроме того, жители депрессивных территорий Уральского региона в большей степени избегают ответственности, чем жители недепрессивных территорий (средняя оценка готовности расширить зону ответственности у первых составляет 1,3, у вторых — 1,5) (Таблица 4).

Таблица 4. Средние значения оценки важности ориентаций, способных стимулировать преодоление неблагополучия, для жителей депрессивных и недепрессивных территорий

Желания	Депрессивные территории	Недепрессивные территории	Асимп. значимость теста Манна — Уитни
Как можно быстрее достигать успеха	4,5	4,1	0,001
Жить сегодняшним днем	3,2	2,7	0,000
Обладать амбициями	3,3	3,6	0,005
Вести размеренный образ жизни	4,1	3,5	0,000
Готовность расширить зону ответственности	1,3	1,5	0,045

В роли определенного барьера социально-экономического развития региона могут выступать и размытые социальные нормы. Население депрессивных территорий, ввиду ограничения возможностей самореализации членов сообщества, оказывается в ситуации отсутствия четких социальных норм, которая может приводить к отказу от использования одобряемых целей и средств. В этом состоянии население депрессивных территорий теряет ориентиры поведения, противоречивость действий усиливается. Так, например, респонденты с депрессивных территорий чаще замечали случаи проявления несоблюдения очередей, отказа оплаты багажа, воровства при отсутствии контроля, толерантности к суицидальному поведению (Таблица 5). Подобное поведение указывает на склонность жителей к несоблюдению существующих правовых норм, которое в конечном счете снижает эффективность принимаемых управленческих решений.

Таблица 5. Степень согласия жителей депрессивных и недепрессивных территорий с высказываниями, касающимися проявлений деформации социальных норм

Высказывания	Депрессивные территории	Недепрессивные территории	Асимп. значимость теста Манна — Уитни
«Я часто замечаю, что люди не соблюдают очередь и стараются опередить всех»	3,6	3,4	0,047
«Когда люди едут в автобусе с крупногабаритной сумкой, то они всегда покупают билет для багажа»	2,4	2,1	0,013

«Если в магазине поставить кассы самообслуживания, а также убрать продавцов и видеокамеры, то люди не будут платить за товары»	3,5	3,2	0,006
«Самоубийство иногда является лучшим выходом из ситуации»	1,5	1,3	0,035

На последнем этапе анализировались политические взгляды респондентов и их отношение к органам публичной власти. Опрошенные жители, проживающие на депрессивных территориях, в большей степени поддерживают проводимую государством внутреннюю политику, чем жители недепрессивных территорий (66% и 48% соответственно). Мнение двух групп респондентов в отношении приоритетных направлений государственной политики оказалось идентичным: все выбирали в качестве таковых поддержание порядка в стране и борьбу с ростом цен. Но население депрессивных муниципальных образований несколько выше поддерживает необходимость сохранения стабильности в обществе, которая для них выражается в степени согласия с высказыванием «Лучше жить так же, чем по-другому, потому что может быть хуже». По мнению респондентов, граждане должны иметь возможность контролировать деятельность органов власти. При этом мы выявили более выраженную поддержку единоначалия со стороны опрошенных из депрессивной среды. Таким образом, органы государственной и муниципальной власти следует контролировать, но при этом должна существовать строго подчиненная вертикаль власти. Респонденты из разных по уровню благополучия муниципалитетов дали идентичные ответы в отношении необходимости поддержания патернализма и достижения справедливости (Таблица 6).

Таблица 6. Степень согласия жителей депрессивных и недепрессивных территорий с высказываниями о политической системе

Высказывания	Депрессивные территории	Недепрессивные территории	Асимп. значимость теста Манна — Уитни
«Лучше жить так же, чем по-другому, потому что может быть хуже»	3,0	2,8	0,031
«Граждане должны контролировать деятельность органов власти»	4,3	4,5	0,000
«В стране должно быть единоначалие в принятии решений»	3,6	3,2	0,003
«Государство обязано помогать незащищенным слоям населения»	4,4	4,4	0,411
«Государство должно выступать гарантом социальной справедливости»	4,8	4,8	0,721

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов. С помощью методики Р. Инглхарта выявлено, что для населения депрессивных территорий более характерны ценности выживания и традиционализма, формирующие социокультурную идентичность и вынуждающие соответствовать преобладающим убеждениям и нормам. Можно сказать, что на депрессивных территориях вследствие неблагополучия трансформация ценностей происходит медленнее. Это может объясняться тем, что в условиях экономической незащищенности снижается уверенность человека в самостоятельном достижении поставленных целей, что вынуждает кооперироваться для решения местных проблем; меньшая физическая защищенность не позволяет населению уделять больше внимание тому, что не связано с непосредственным выживанием. Ценности опрошенных на депрессивных территориях муниципальных образований Уральского экономического района оказались близки друг к другу; среди жителей недепрессивных территорий степень однородности взглядов значительно ниже.

Плотность социальных сетей, которая может быть характерна для депрессивных территорий, усиливает потребность жителей в социокультурной идентичности, поэтому они стараются соответствовать сложившемуся образу жизни, нормам и традициям, формируя высокий уровень конформизма и принимая мнение большинства. Между членами такого сообщества наблюдается высокий уровень взаимного доверия, необходимый для консолидации усилий для выполнения деятельности, способствующей улучшению или сохранению качества жизни. Само население депрессивных территорий, несмотря на тесную взаимосвязь между членами сообщества, не использует возможностей кооперации с целью воздействия на принятие управленческих решений. Скорее всего, закрытый социальный капитал используется для решения узких локальных задач, имеющих для населения большую значимость с точки зрения обеспечения приемлемых условий жизни.

Полученные результаты демонстрируют, что установки жителей депрессивных муниципалитетов в меньшей степени способствуют преодолению неблагополучия. Оценки респондентов из этой группы чаще указывают на отсутствие необходимости в долгосрочном планировании, умеренность жизни, отказ от амбиций, нахождение в зоне психологического комфорта, при этом фиксируется пассивное ожидание скорейшего улучшения качества своей жизни.

Население депрессивных территорий может рассматриваться в качестве сообществ с отклоняющимся от общепринятых норм поведением. Это можно объяснить ограниченными возможностями среды: достижение материальных интересов жителей депрессивных территорий оказывается возможным лишь посредством неодобряемых средств (преступлений, инструментов ухода от реальности и т. д.).

Существование проблем и ощущение невозможности их преодоления может привести к апатичности населения, которая вынуждает их вместо стремлений к изменениям адаптироваться к текущему положению. В таких условиях формируется ориентация на помощь со стороны, и именно государство выступает в роли ключевого помощника незащищенных слоев населения.

В целом выявленные ценности населения депрессивных территорий соответствуют чертам К-России в концепции двухъядерной культуры А.А. Аузана [Аузан 2022]: социальная принадлежность, взаимопомощь, закрытый социальный капитал, религиозность, избегание неопределенности, приоритет неформальных связей для решения проблем, готовность к риску, высокая дистанция власти. Несмотря на отсутствие радикальных различий между регионами России по уровню коллективизма [Там же], мы выявили различия на местном уровне между установками и ориентирами жителей территорий с разным уровнем благосостояния, но идентичными характеристиками, способными потенциально влиять на поведение населения. Иными словами, черты И-России могут присутствовать не только в крупных городах, но и в муниципальных образованиях с небольшой численностью населения. Полученные результаты подтверждают наличие специфичных характеристик жителей депрессивных территорий. Тем самым депрессивность на территориальном уровне выходит за рамки состояния экономики, распространяясь на социальные отношения и процессы внутри локальных сообществ. В конечном счете общественные ценности населения муниципальных образований депрессивного типа могут оказывать потенциальное влияние на социально-экономическое развитие местности.

Отличительные характеристики жителей депрессивных территорий следует учитывать при принятии управленческих решений и выстраивании административно-политической системы. При выстраивании политики на территориях, где у населения преобладают традиционные ценности, следует опираться на религию и поддержку семей. Это, в свою очередь, означает, что депрессивные территории могут рассматриваться в качестве своего рода драйверов количественного

воспроизводства населения. Более высокий уровень социальной принадлежности обеспечивает единство взглядов сообщества, что повышает значимость активной информационной политики, ведь высока вероятность того, что население будет поддерживать транслируемые в средствах массовой информации нарративы, соответствующие интересам органов публичной власти. Принадлежность к группе может быть использована для сохранения и возвращения человеческих ресурсов, которые в большей степени стремятся находиться в привычной социальной среде. Внутригрупповая идентичность является ресурсом для развития некоммерческого сектора. Потенциал сильной сплоченности сообщества следует использовать для решения местных хозяйственных проблем, например работ по благоустройству пространства и ремонтам объектов инфраструктуры, или для кооперации для ведения предпринимательской деятельности.

Существует потенциал использования бондингового социального капитала депрессивных территорий для развития благотворительности в отношении наиболее нуждающихся групп населения. Кроме того, для повышения значимости бизнеса в развитии местности закрытость сообщества может использоваться для поддержки местных производителей и предпринимателей. Для развития экономики может быть использована и выявленная в нашем исследовании преобладающая у населения установка «жить сегодняшним днем» — ее учет в управленческих решениях стимулирует граждан делать как можно больше трат на местные товары и услуги. Для формирования у населения ориентаций на долгосрочное планирование необходима разработка мер по стимулированию к накоплению средств и росту уверенности в завтрашнем дне за счет развития территории. Однако стоит учитывать, что для жителей, проживающих на депрессивных территориях, могут быть характерны умеренность и пассивность. Инструментом активизации населения в этом плане может выступить привлечение пассионарных внешних экспертов, которые, однако, не должны занимать заметные посты в органах власти, так как их открытая и направленная вовне деятельность может отвергаться жителями с закрытым типом социального капитала.

Выявлено, что население депрессивных территории более склонно к совершению противоправных действий, поэтому при необходимости следует использовать механизмы усиления контроля и ужесточения наказания. При существующем высоком уровне поддержки власти на депрессивных территориях целесообразно апробирование новых политических решений, которые в дальнейшем при их эффективности можно будет распространять на другие регионы. Единоначалие и строгая иерархия усиливают уровень доверия жителей, соответственно, руководящую должность стоит предоставить человеку с авторитарным стилем лидерства. Несмотря на то, что респонденты выразили согласие с необходимостью контроля за деятельностью органов власти, на наш взгляд, это несколько противоречит установкам, поддерживающим единоначалие. Скорее всего, опрошенные жители ожидают от органов власти открытости и прозрачности, сегодняшний уровень которых их не удовлетворяет.

Продолжение настоящего исследования видится в построении модели эффективного управления депрессивными территориями на основе выявленных особенностей их жителей и распространении разработанной методики исследования на другие экономические районы России.

Список литературы:

Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Аст, 2022.

Барабанов А.С., Андреева М.В., Маковеев В.Н., Базанов А.А. Исследование депрессивности территорий: методология и практика // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2019. № 2. С. 51–56.

- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- Веприкова Е.Б., Кисленок А.А. Подходы к определению территориальной депрессивности в управлении региональным развитием // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4. С. 60–73. DOI: [10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73)
- Донской Д.А. Формирование экономической политики устойчивого развития национального производства и территориальных хозяйственных систем в условиях внешних ограничений // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 4. С. 5–9.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Зубаревич Н.В. Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. 2021. № 1. С. 46–57.
- Ибраева А.К., Акишева Д.М., Адильбаев К.С. Теоретико-методические основы оценки степени депрессивности региональных систем // Путеводитель предпринимателя. 2021. № 2. С. 98–106. DOI: [10.24182/2073-9885-2021-14-2-98-106](https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-2-98-106)
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Исянбаев М.Н. Депрессивные территории: сущность, формирование, принципы выделения // Вестник ВЭГУ. 2017. № 4. С. 51–57.
- Коркмазов А.В., Черкесов С.Х. Получение образования и его влияние на формирование личностных ценностей обучающихся // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3(130). С. 377–378.
- Маркс К. Критика Готской программы // Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 9–32.
- Молчанова Е.В. Демографическое развитие финно-угорских народов в современном мире // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 4. С. 759–779. DOI: [10.24891/ni.16.4.759](https://doi.org/10.24891/ni.16.4.759)
- Мосина Л.А., Чухманова М.В. Особенности повышения качества жизни населения депрессивных территорий на современном этапе // Трансформация процессов управления в условиях реализации национальных целей и стратегических задач развития России. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020. С. 85–98.
- Нешатаев А.В. Субъективные оценки условий развития человеческого капитала депрессивных территорий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 3. С. 75–84. DOI: [10.53598/2410-3691-2022-3-304-75-84](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-3-304-75-84)
- Нешатаев А.В. Генезис научных представлений о депрессивных территориях в социологических подходах // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 351–355.
- Нешатаев А.В., Багирова А.П. Репродуктивные ориентации населения депрессивной территории: факторы и прогнозы // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 67–71. DOI: [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.14](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.14)
- Нижегородцев Р.М., Борулава А.Г. Депрессивный характер экономической динамики регионов и пути его преодоления // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2014. № 1. С. 167–170.

- Помазкова Е.В. Ценностные ориентации и мотивации российского предпринимательства // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 94–98. DOI: [10.24158/fik.2022.8.15](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.15)
- Проворова А.А., Губина О.В., Уханова А.В., Смиренникова Е.В., Воронина Л.В., Матвиенко И.И. Факторы демографического развития регионов российской Арктики // Фундаментальные исследования. 2022. № 5. С. 105–111. DOI: [10.17513/fr.43263](https://doi.org/10.17513/fr.43263)
- Прокопьева Н.Ю. Маргинальность городского пространства малых городов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2018. № 3. С. 60–68.
- Прудон П.-Ж. Бедность как экономический принцип. М.: Республика, 1998.
- Савельева Н.К., Созинова А.А., Палкина М.В., Караулов В.М. Оценка инновационного развития депрессивных регионов // Теоретическая экономика. 2020. № 11. С. 42–60.
- Тагирова Э.И. Критерии отнесения регионов к депрессивным территориям // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10–3. С. 309–313. DOI: [10.17513/vaael.1380](https://doi.org/10.17513/vaael.1380)
- Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Владимир Даль, 2002.
- Тищенко Т.В. Международный опыт налогово-бюджетной поддержки депрессивных территорий // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 151–166. DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10063](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10063)
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тулаева С.А., Немировская С.А. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 1. С. 216–246. DOI: [10.31119/jssa.2024.27.1.10](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10)
- Хайдаров Ш.М., Рахматулин А.Р. Проблемы депрессивных регионов в Российской Федерации и возможные пути их решения // Политика и общество. 2024. № 1. С. 45–54. DOI: [10.7256/2454-0684.2024.1.40753](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.40753)
- Чернышев К.А. Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 259–273. DOI: [10.15838/esc.2017.4.52.15](https://doi.org/10.15838/esc.2017.4.52.15)
- Bojang M.B.S. Beyond Public Management Theories: The Creation of Public Value through Co-Production // Journal of Advanced Research in Economics and Administrative Sciences. 2022. Vol. 3. Is. 1. P. 48–56. DOI: [10.47631/jareas.v3i1.397](https://doi.org/10.47631/jareas.v3i1.397)
- Bozeman B. Public Values: Citizens' Perspective // Public Management Review. 2019. Vol. 21. Is. 6. P. 817–838. DOI: [10.1080/14719037.2018.1529878](https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1529878)
- Clark G. Economists in Search of Culture: The Unspeakable in Pursuit of the Inedible? // Historical Methods. 1988. Vol. 21. P. 161–164.
- Naidoo I., Holtzhausen N. Contextualising Public Value Theory and Its Measurement in Public Administration // Administratio publica. 2020. Vol. 28. Is. 2. P. 191–204.
- North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge university press, 1990.
- Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Oxford university press, 1982.
- Ventriss C., Perry J.L., Nabatchi T., Milward H.B., Johnston J.M. Democracy, Public Administration, and Public Values in an Era of Estrangement // Perspectives on Public Management and Governance. 2019. Vol. 2. Is. 4. P. 275–282. DOI: [10.1093/ppmgov/gvz013](https://doi.org/10.1093/ppmgov/gvz013)

References:

- Auzan A. (2022) *Kul'turnyye kody ekonomiki. Kak tsennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyaniye naroda* [The cultural codes of the economy. How values influence competition, democracy and people's welfare]. Moscow: AST.
- Barabanov A.S., Andreeva M.V., Makoveev V.N., Bazanov A.A. (2019) Research of Depressivity of Territories: Methodology and Practice. *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzheniye, Konkurenciya*. No. 2. P. 51–56.
- Bojang M.B.S. (2022) Beyond Public Management Theories: The Creation of Public Value through Co-Production. *Journal of Advanced Research in Economics and Administrative Sciences*. Vol. 3. Is. 1. P. 48–56. DOI: [10.47631/jareas.v3i1.397](https://doi.org/10.47631/jareas.v3i1.397)
- Bozeman B. (2019) Public Values: Citizens' Perspective. *Public Management Review*. Vol. 21. No. 6. P. 817–838. DOI: [10.1080/14719037.2018.1529878](https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1529878)
- Chernyshev K.A. (2017) The Study of Permanent Migration of Economically Depressed Regions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 10. No. 4. P. 259–273. DOI: [10.15838/esc.2017.4.52.15](https://doi.org/10.15838/esc.2017.4.52.15)
- Clark G. (1988) Economists in Search of Culture: The Unspeakable in Pursuit of the Inedible? *Historical Methods*. Vol. 21. P. 161–164.
- Donskoy D.A. (2023) The Forming an Economic Policy for Sustainable Development of National Production and Territorial Economic Systems under External Constraints. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. No. 4. P. 5–9.
- Durkheim E. (1996) *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Moscow: Kanon.
- Ibraeva A.K., Akisheva D.M., Adilbaev K.S. (2021) Theoretical and Methodological Bases for Assessing the Degree of Depressiveness of Regional Systems. *Putevoditel' predprinimatel'ya*. No. 2. P. 98–106. DOI: [10.24182/2073-9885-2021-14-2-98-106](https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-2-98-106)
- Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Isyanbayev M.N. (2017) Depressive Territories: Essence, Formation, Principles of Identification. *Vestnik VEGU*. No. 4. P. 51–57.
- Khaidarov S.M., Rakhmatulin A.R. (2024) Problems of Depressed Regions in the Russian Federation and Possible Solutions. *Politika i obshchestvo*. No. 1. P. 45–54. DOI: [10.7256/2454-0684.2024.1.40753](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.40753)
- Korkmazov A.V., Cherkesov S.H. (2019) Education and Its Impact on the Formation of Personal Values of Students. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. No. 3(130). P. 377–378.
- Marx K. (1961) Kritik des Gothaer Programms. In: *Sochineniya*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. Vol. 19. P. 9–32.
- Molchanova E.V. (2020) The Demographic Development of the Finno-Ugric Peoples in the Modern World. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*. Vol. 16. No. 4. P. 759–779. DOI: [10.24891/ni.16.4.759](https://doi.org/10.24891/ni.16.4.759)
- Mosina L.A., Chuhmanova M.V. (2020) Osobennosti povysheniya kachestva zhizni naseleniya depressivnykh territoriy na sovremennom etape [Features of improving the quality of life of the population of depressed territories at the present stage]. *Transformatsiya protsessov upravleniya v usloviyakh realizatsii natsional'nykh tseley i strategicheskikh zadach razvitiya Rossii*. Nizhniy Novgorod: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Otkrytoye znaniye". P. 85–98.
- Naidoo I., Holtzhausen N. (2020) Contextualising Public Value Theory and its Measurement in Public Administration. *Administratio Publica*. Vol. 28. Is. 2. P. 191–204.
- Neshataev A.V. (2022) Subjective Assessments of the Conditions for the Development of Human Capital in Depressed Territories. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. No. 3. P. 75–84. DOI: [10.53598/2410-3691-2022-3-304-75-84](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-3-304-75-84)

- Neshataev A.V. (2023) The Genesis of Scientific Concepts about Depressive Territories in Sociological Approaches. *XXIII Ural'skiye sotsiologicheskiye chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo: naslediye L.N. Kogana i sovremennost'*. Ekaterinburg: UrFU.
- Neshataev A.V., Bagirova A.P. (2021) Reproductive Orientations of the Population of a Depressive Territory: Factors and Prognosis. *III Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiyem*. Moskva: FNISTS RAN. P. 67–71.
- Nizhegorodtsev R.M., Berulava A.G. (2014) Depressive Nature of the Economic Dynamics of the Region and Ways to Overcome It. *RISK: Resursy. Informatsiya. Snabzheniye. Konkurentsia*. No. 1. P. 167–170.
- North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pomazkova E.V. (2022) Value Orientations and Motivations of Russian Entrepreneurship. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 8. P. 94–98. DOI: [10.24158/fik.2022.8.15](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.15)
- Prokopeva N.Yu. (2018) Marginality of the Urban Space of Small Cities. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. No. 3. P. 60–68.
- Proudhon P.-J. (1998) *La Guerre et la Paix*. Moscow: Respublika.
- Provorova A.A., Gubina O.V., Uhanova A.V., Smirennikova E.V., Voronina L.V., Matvienko I.I. (2022) Factors of Demographic Development of Russian Arctic Regions. *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 5. P. 105–111. DOI: [10.17513/fr.43263](https://doi.org/10.17513/fr.43263)
- Savelyeva N.K., Sozinova A.A., Palkina M.V., Karaulov V.M. (2020) Assessment of the Innovative Development of Depressed Regions. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 11. P. 46–60.
- Sen A. (1982) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press.
- Tagirova E.I. (2020) Criteria for Assigning Regions to Depressive Territories. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. No. 10-3. P. 309–313. DOI: [10.17513/vaael.1380](https://doi.org/10.17513/vaael.1380)
- Tishchenko T.V. (2020) International Experience of Fiscal Support for Depressed Areas. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 5. P. 151–166. DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10063](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10063)
- Tönnies F. (2002) *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Moscow: Vladimir Dal'.
- Toshchenko Zh. (2016) *Sociologiya zhizni* [Sociology of life] Moscow: YuNITI-DANA.
- Tulaeva S.A., Nemirovskaya S.A. (2024) “Stop Spoiling Our Land”: Regional Identity and Environmental Mobilization in the Russian Regions. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 27. No. 1. P. 216–246. DOI: [10.31119/jssa.2024.27.1.10](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10)
- Ventriss C., Perry J.L., Nabatchi T., Milward H.B., Johnston J.M. (2019). Democracy, Public Administration, and Public Values in an Era of Estrangement. *Perspectives on Public Management and Governance*. Vol. 2. Is. 4. P. 275–282. DOI: [10.1093/ppmgov/gvz013](https://doi.org/10.1093/ppmgov/gvz013)
- Veprikova E.B., Kislenok A.A. (2020) Approaches to the Defi of Territorial Backwardness in the Regional Development Management. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*. No. 4. P. 60–73. DOI: [10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73)
- Wallerstein I. (2006) *World-Systems Analysis. An Introduction*. Moscow: Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”.
- Weber M. (2006) *Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Zubarevich N.V. (2021) Possibility of Decentralisation during the Year of Pandemic: What Does the Analysis of Public Budgets Reveal? *Regional'nye issledovaniya*. No. 1. P. 46–57.